

Но все же «Северным Вазари» называют Карела Ван Мандера, который имел возможность даже лично встречаться с аретинцем, посещая родину античности. Его шеститомная «Книга о художниках» впервые вышла в свет в 1604 г., вторично – в 1618 г., а уже в 1764 г., 1884 г., 1906 г., 1916 г. и позднее печатаются дополненные и иллюстрированные издания. Чуть позднее, но Ван Мандер повторил «литературный подвиг» Вазари.

Все представители уже довольно широкого спектра биографов художников эпохи Ренессанса (как итальянского, так и Северного), имели (за редким исключением) одну общую черту, ставшую их громадным преимуществом. Почти все те, кто писал о художниках в к. XV–XVII вв., сами тоже были художниками. Именно это обеспечивало наличие того, что со временем, когда искусствознание перейдет в категорию самостоятельной науки, будет практически утеряно. Пишущий художник никогда не позволит себе дилетантизма языка, никогда свысока не будет анализировать произведение, жонглируя терминами, смысла которых не понимает, составляя из них затейливый узор. С каждым десятилетием историк искусства или художественный критик все дальше от художника. Именно в XVI–XVII вв. нужно искать начало того конфликта, который на сегодняшний день привел к почти полному отрыву тех, кто пишет, от мира тех, о ком пишет, конфликта теоретиков и практиков. И в этом конфликте истина всегда на стороне практика, ибо только тот биограф, историк искусства, который в состоянии держать в руках карандаш или кисть, «понимать подушечками пальцев», а не только мозгом, может «изнутри» постичь суть произведения искусства, может прочувствовать художника, в биографии которого копаются и из которого пытается сделать «душевное экорше».

А.И. Романчук (Екатеринбург)

Историки Херсонеса о революциях начала XX века

Существование античного Херсонеса, возникшего в последней четверти VI в. до н. э. и сохранившегося в качестве византийского провинциального города вплоть до конца XIV в., отделяет значительный промежуток времени от таких событий, как революционные движения начала XX века. Профессионально они, безусловно, не могли являться объектом исследований историков, посвятивших свои научные штудии Херсонесу-Херсону. Однако на тех, чье научное творчество приходится на начало XX в., не могло не отразиться в той или иной степени, происходившее в стране. Из историков Северного Причерноморья непосредственным наблюдателем восстания 1905 г. в Севастополе стал первый заведующий Херсонесским городищем К. К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907). Некоторые документы, отражающие официальную оценку «матросского бунта», сохранились в его личном архиве, где содержатся также послания его корреспондентов и копии ответов на них. Обратимся к некоторым из них.

Итак, ноябрь 1905 г. О восстании на «Очакове».

В данном случае нет необходимости останавливаться на событиях осени 1905 г. и личности П.П. Шмидта (1867–1906), принявшего командование крейсером «Очаков». Интерес представляет отклики на это событие.

В начале декабря 1905 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич отправил в Императорскую археологическую комиссию «Рапорт», в котором сообщал о поведении работавших на раскопках в Херсонесе, одновременно приложив к нему «Воззвания Севастопольского градоначальника». Данный документ позволяет отчасти увидеть начальную официальную версию произошедшего; примечательным является

и то, что здесь названо и второе из главных действующих лиц севастопольских событий – сын П.П. Шмидта.

«Воззвание Вр. И. О. Севастопольского Градоначальника к жителям!

Не смотря на все принятые начальством увещевания, взбунтовавшиеся нижние чины флота не прекращали бунт. Главный агитатор отставной капитан 2 ранга Шмидт, захватив «Очаков», дерзко позволил объезжать остальные суда и производить насилия над офицерами и другими флотскими чинами, арестовывая их или при казармах, или на «Очакове», делая этим так сказать себе защиту в надежде, что в крайнем случае высшее начальство не отдаст приказа стрелять.

Для прекращения мятежа Командующий войсками приказал полевой артиллерии начать обстреливание морских казарм, занятых мятежниками, и суда эскадры, стоящие на рейде, верные долгу присяги, открыли огонь вместе с крепостною артиллерией Северной стороны по «Очакову» и другим судам, присоединившимся к «Очакову». После нескольких выстрелов из «Ростислава», «Памяти Меркурия», «Трех Святителей» и батарей «Очаков», был сильно поврежден и начался на нем пожар. Один из контр-миноносцев в виду тоже поврежденных пристал к борту «Ростислава», на который была принята вся команда. Главный агитатор отставной капитан 2-го ранга Шмидт арестован и находится на «Ростиславе». Нижние морские чины, находившиеся в казармах, сложили оружие и арестованы. Офицеры и другие лица, захваченные мятежниками, освобождены.

В настоящее время мятеж усмирен и никакой опасности не грозит для мирных жителей.

Оповещая население Градоначальства, приглашаю жителей успокоиться и приступить к мирной обыденной жизни и со своей стороны поддержать порядок и спокойствие, так необходимые в настоящее тревожное время»

Вр. и. о. Севастопольского Градоначальника капитан 1-го ранга РОГУЛЯ.

16 ноября 1905 г.».

Посылая в ИАК текст «Возвания», К.К. Косцюшко-Валюжинич просил увеличить жалование сохранившим спокойствие рабочим, занятым на раскопках в Херсонесе. Вот, что он добавляет от себя относительно событий 15 ноября: «Во время расстреливания крейсера «Очаков», стоявшего на рейде первым к выходу в море, в виду Херсонеса, несколько снарядов, из числа выпущенных по крейсеру, сделали перелет, разорвались над Херсонесским городищем» (вреда не причинили).

В час ночи на 17 ноября главный руководитель возмущившегося войска отставной капитан 2-го ранга Шмидт и его сын были привезены под сильным конвоем с броненосного корабля «Ростислав» на паровом катере к малой пристани у музея и отсюда отправлены на главную крепостную гауптвахту. Появление в темную ночь вооруженных матросов на площади музея сильно испугало нас, особенно сторожа.

Так как рабочие при раскопках все время вели себя безупречно и, не смотря на эпидемию забастовок, не пропустили ни одного дня и не заявили новых претензий и требований», считает долгом просить ИАК об увеличении жалования всем на 20 коп (с 0,8 руб. и с 1,0).

На начало ноября планировался приезд в Севастополь А.Л. Бертье-Делагарда, постоянно интересовавшегося ходом раскопок в Херсонесе. Он отменил визит, о чем известил К.К. Косцюшко-Валюжинича: «В виду забастовок я вынужден приехать в Симферополь иным путем и даже, вероятно, не поеду, т. к. у нас не спокойно».

В последних строчках частного письма от 29.12.1905 г. А.В. Орешникова к К.К. Косцюшке-Валюжиничу содержится просьба сообщить о ноябрьских событи-

ях: «Из газет я узнал, что у Вас в ноябре был матросский бунт и даже с кровью, но подробностей газеты, конечно, не пишут. Если удостоитесь мне хотя бы кратко об этом сообщить, буду признателен».

К.К. Косцюшко-Валюжинич видел, как был поднят красный флаг на «Очакове»; наблюдал восторг толпы, собравшейся на причале, и прибытие казаков. С большей части территории городища можно было видеть темный силуэт восставшего корабля и методичные выстрелы крепостной артиллерии. Но обо всем этом писать было нельзя, и он осторожно ответил своему корреспонденту, что часть снарядов не долетало до крейсера; многие из них упали на городище, но, к счастью, не принесли разрушений. А в конце послания к А.В. Орешникову добавил: «Говорят, что бунт возглавил молодой лейтенант. Он мог еще многое сделать для своей родины, которая не понимает его сейчас. Разве бунтом можно решить что-то, разве это путь к свободе? Бессмысленная гибель! Что может сделать небольшая кучка тех, кто пошел за лейтенантом?».

Сообщения зарубежных газет о «бунте» вызвали беспокойство у одного из английских корреспондентов К.К. Косцюшки-Валюжинича, который писал, что события в Севастополе «заставили меня беспокоиться за Вас и за Херсонес», и что «хорошо, что они не затронули Вас».

От революционных событий 1905 г. Херсонесское городище, в сущности, не пострадало, более того, как писал К.К. Косцюшко-Валюжинич, в дни «бунта» раскопки не были прекращены». Иное дело, последствия революционных преобразований и гражданской войны 1918–1920 гг. Не останавливая внимания на конкретных мероприятиях, которые затронули Херсонес, отмечу только, что назначенному в 1914 г. заведовать созданным К.К. Косцюшкой-Валюжиничем Складом древностей и раскопками Л.А. Моисееву (1882–1946) в годы «революционной борьбы» и после освобождения Крыма приходилось защищать древности и от «белых», и от «красных». Этот аспект истории Херсонеса подробно освещен сотрудницей Национального заповедника «Херсонес Таврический» Л.О. Гриненко на основании архивных материалов. Напомню только, что стремление не производить раскопки в 1918 г. стало в последующем одним из пунктов обвинения Л.А. Моисеев в «сотрудничестве с белыми».

Чрезвычайно эмоционально, с болью писал об общем крушении: утрате ценностей, утрате культуры – киевский византинист Ю.А. Кулаковский. Его слова приведены в некрологе А.И. Маркевичем. Прочитую только одно предложение из него: «Страшная темная туча налегла на Русь и в этой беспросветной тьме в тревоге за грядущий день приходится не жить, а прозябать» (письмо от 27.12.1917 г.).

Любитель истории, военный инженер А.Л. Бертье-Делагард хорошо знал и ценил памятники Таврики. Даже в сугубо научных статьях чувствуется тревога за их судьбу. Понятна поэтому его боль после 1917 г., когда «знания, труд (и русских, и иностранцев) и сотни миллионов (...) разрушаемы, разграблены. Уничтожено было то, что в течение трех четвертей века создавалось, (...) когда была достигнута редкая степень благосостояния в России, указателем которой может служить ценность земли, еще до войны (...) возросшая более чем в тысячу раз сравнительно с татарским временем».

В заключение отмечу еще один отмечаемый биографами Л.А. Моисеева факт: эвакуацию в начале Первой мировой войны херсонесских древностей в Харьков и проводимое им же возвращение их на родную землю. В годы Второй мировой войны часть находок и архив Херсонесского заповедника нашли приют на Урале. Вероятно, общим делом – спасение древностей от невзгод военного времени, о котором никто не мог и подумать в 1914 г., мистически предопределе-

но будущее научное сотрудничество между двумя университетами – Харьковским и Уральским, к которым в начале нашего столетия присоединился и Тюменским.

С.В. Рыбаков (Екатеринбург)

Историк между новациями и традициями

Нуждается ли современная историческая наука в новаторских идеях? Бесспорно, нуждается. Потребность в новых подходах продиктована ей самим ходом общественных процессов в начале XXI века, характеризуемых и нарастанием социальной динамики, и наличием разнообразных противоречий. Очевидно, что в этих условиях исторической науке не позволительны статичная одномерность, неподвижное состояние «вещи в себе».

Застраховаться от неподвижности и обеспечить полноценное развитие исторической науки может только на путях усвоения лучших достижений гуманитарной мысли. Сегодня историки проявляют немалый интерес к проблеме междисциплинарного синтеза. Он трактуется в основном как методологический инструмент работы над историческим материалом. При этом мало внимания обращается на то, что сама постановка проблемы междисциплинарного синтеза предполагает существенный пересмотр роли и места исторической науки в системе общественных дисциплин. Эта система была создана в 1920-е годы в виде номенклатурной пирамиды со строго отведенными для каждой дисциплины этажами, переходы между которыми были искусственно заблокированы. Истории отводилась функция поставщика фактов для социально-теоретических схем, а полновесное теоретическое объяснение событий и процессов было отдано на другой этаж, занимаемый философией и социологией.

В нынешних условиях подобное положение вещей никак не оправдано. Потенциал исторической науки позволяет ей решать научно-исследовательские задачи любого масштаба. Но для их решения историки должны самостоятельно позаботиться о теоретических и методологических основах своих исследований. Перекладывание разработки концептуальных проблем на философов и социологов означает искусственное понижение общественного статуса исторической науки, бросает на нее тень «второсортности».

Обновление подходов к исторической науке необходимо и потому, что в части общественного сознания закрепилось представление об истории как о конъюнктурной дисциплине, а об историках как о людях, готовых переписывать и трактовать прошлое так, как это удобно «сильным мира сего». Чтобы окончательно освободить историческую науку от такого ложного представления, нужно отказаться от всякого механического схематизма вообще. Для многих этот тезис выглядит непривычно, но именно решительный отказ от схематизма и доктринерства является главным условием обновления исторической науки.

Средства обновления исторических знаний зачастую понимаются слишком упрощенно – как замена одной доктрины на другую, более «правильную», «передовую», «продвинутую». Очень важным является преодоление такого недостатка, присущего большей части нынешнего обществоведения, как отрыв от человеческого фактора.

Разумеется, не существует никаких противопоказаний для создания теоретических моделей истории. В процессе исторического познания полностью обойтись без теоретических построений нельзя. Но они ничего не решают, если отделены от ценностных ориентиров, от этики и морали. Современный подход к историческим знаниям предполагает признание того, что социальные закономерности